
Н. Г. КОЗИН

УНИВЕРСАЛИСТСКИЙ ПРОЕКТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Осмысление цивилизационного феномена России осуществляется в разных направлениях. И среди них есть одно, которое в условиях глобализации приобретает особое значение. Его сущность определяется парадигмальными особенностями универсалистского проекта цивилизационного бытия человечества. В чем его суть? Либо в полном отрицании локально цивилизационного многообразия мира, либо в попытках все-таки признать это многообразие, но только в качестве исторически временного явления, преодолеваемого уже в ближайшем будущем человечества.

Последний вариант универсалистского проекта цивилизационного бытия человечества – прогностический, но и в нем, как и в первом, не остается места для локальности русско-российской цивилизации, как, впрочем, и для всех остальных. В радикальной интерпретации считается, что объективная логика исторического развития человечества работает на всечеловечность. На образование единой общечеловеческой цивилизации, в которой не только формационные (экономические и политические), но и все социокультурные и даже ментальные спецификации всех локальных цивилизаций будут преодолены настолько, что все станут носителями только общих для всех архетипов социальности, культуры, духовности, самого способа их проживания в истории и самой истории. В этом якобы и состоит тайный и конечный смысл всех процессов глобализации, набирающих силу в современном человечестве. Но так ли это?

Надо признать, что универсалистский проект цивилизационного бытия человечества не лишен смысла, так как отражает два существенных, а потому действительно существующих факта. Первый – реальность человечества как единой, неделимой и единственной

формы реальности рациональных процессов в нашей части астрономической Вселенной. Второй – реальность тенденции в развитии человечества стать человечеством, поднять себя из разобщенного и дезинтегрированного состояния в некое более единое, взаимосвязанное и органическое целое. Человечество явно устремлено к тому, чтобы начать вершить свою историю согласно природе целого, всего человечества и во имя всего человечества, а не только согласно природе и во имя его частей.

В первом случае человечество действительно едино. И в своей биологической природе также, так как все этническое и расовое многообразие человечества принадлежит к одному биологическому виду – *Homo sapiens*. И в своей социально-деятельной сущности, так как все цивилизационное и культурное многообразие человечества – это многообразие на базе одной и той же сущности – социально-деятельной. В этих двух смыслах человечество едино как форма реальности рациональных процессов в Универсуме, которой противостоит другая реальность – реальность внеземных цивилизаций, иных воплощений общей сущности рациональных процессов во Вселенной. По отношению к ним человечество – земная цивилизация – есть единая и единственная антропологическая цивилизация. Но это не отменяет факта многообразия цивилизаций и культур в самой человеческой цивилизации, того, что она как человеческая существует через многообразие форм воплощения сущности человечества в многообразии локальных цивилизаций и культур. И это многообразие имеет явно иерархическую природу. С позиций диалектики всеобщего, общего, единичного уровни цивилизационного бытия в истории можно попытаться изобразить даже схематически.

I. *Рациональные процессы во Вселенной.*

↓↓↓↓↓↓

Внеземные цивилизации.

↓

II. *Земная цивилизация (человечество).*

↓

III. *Цивилизационные универсумы:*

буддийский, христианский, индуистский, исламский, конфуцианский, синтоистский.

↓

↓

IV. Локальные цивилизации.

Для христианского цивилизационного универсума это европейская, североамериканская, русско-российская, латиноамериканская.

↓

V. Национальные формы воплощения основ цивилизационной локальности.

На вершине бытия всеобщего находится сущность рациональных процессов в Универсуме. Это первый, наиболее абстрактный уровень бытия цивилизационной сущности. Он объемлет все многообразие рациональных процессов в Универсуме со стороны наиболее общей, всем им присущей сущности – сущности разума. С точки зрения этого уровня бытия цивилизационной сущности сущность земной цивилизации, человечества – это частный случай рациональных процессов в Универсуме, земное воплощение их сущности. Но они имеют и внеземную форму своей реальности во внеземных цивилизациях. Вместе с ними человечество образует второй, более конкретный уровень бытия цивилизационной сущности. Третий связан с бытием цивилизационных универсумов – самых фундаментальных форм воплощения общецивилизационной сущности человечества. Нетрудно заметить, что в основе духовной составляющей генетического кода их истории лежат духовные основы базовых форм религиозного существования человечества. При этом цивилизационных универсумов сложилось ровно столько, сколько сложилось базовых форм религиозного существования человечества. А потому далеко не каждая религия обладает потенциалом духовности, достаточной для образования цивилизационного универсума, но всякая религия достаточна для образования основ локальности цивилизации.

В этом смысле цивилизационный универсум соотносится с локальной цивилизацией как соответственно целое и часть, как нечто несравненно более богатое цивилизационным содержанием по сравнению с локальной цивилизацией. Это находит свое подтверждение и в том, что цивилизационный универсум может состоять из нескольких локальных цивилизаций, как, к примеру, христианский. Но возможна и другая ситуация, когда цивилизационный универ-

сум не распадается на локальные цивилизации, а образует некое однородное единство или очень близкое к нему по этническому, социальному, культурному и духовному основаниям локальности цивилизации, по самому способу бытия этих оснований в истории. В итоге цивилизационный универсум не распадается на формы локальности своего бытия. Его содержание оказывается цивилизационно недифференцируемым, гомогенно пребывающим в пределах цивилизационного универсума. В этом случае можно поставить знак равенства между цивилизационным универсумом и локальной цивилизацией. Таким случаем в мировой истории является китайская цивилизация.

В отличие от китайского цивилизационного универсума христианский чуть ли не с момента своего зарождения начал приобретать локально цивилизационное многообразие. Этому благоприятствовал ряд факторов: географическое и климатическое многообразие условий; чрезвычайно разнородный этнический состав и связанные с ним различия в предшествующих христианству социокультурных и духовных формах существования в истории; инаковые условия исторической среды – просто разная система исторических вызовов, обусловившая различия в системе исторических ответов на них, поиск инаковых социокультурных и духовных оснований для ответов на конкретность вызовов истории... Все это и многое другое привело к формированию локально цивилизационных форм существования единого христианского цивилизационного универсума.

Россия в этих процессах стала одной из форм локального воплощения и существования общей сущности христианского цивилизационного универсума. Это то, что нас объединяет, к примеру, с локальностью европейской цивилизации. Мы, как и они, принадлежим к более общему и высокому целому – христианскому цивилизационному универсуму. Но мы, как и они, воплощаем единый цивилизационный генетический код христианского цивилизационного универсума в локально цивилизационной форме, в той, которая делает нас Россией, русско-российской цивилизацией. *В этом смысле наши цивилизационные корни не в Европе, не оттуда мы ведем свое происхождение, не из европейской цивилизации, а из общего с Европой христианского цивилизационного универсума, из глубин его духовности, культуры и социальности.*

Таким образом, есть то, что нас сближает с Европой, но есть и то, что отдаляет друг от друга. И то, что отдаляет, обусловлено уже различиями в архетипах социальности, культуры, духовности, в способе их проживания в истории и самой истории. На этой основе у нас сформировался другой тип цивилизационного бытия и развития, чем в Европе, с иной ритмикой, приведшей к несовпадению самих периодов цивилизационного развития в Европе и России. И в этом несовпадении, и в том, что Россия – это не Европа, никогда ею не была и не будет, проявился глубокий исторический смысл, обусловленный особенностями исторической миссии России в мировых цивилизационных процессах истории, в итоге сформировавшей сам цивилизационный феномен России. Осмысление этой миссии позволяет в новой связи понять то, почему России было суждено стать Россией, центром локальности русско-российской цивилизации. Историческая, цивилизационная неизбежность этого имела свою логику.

Расположившись между центрами западной и восточных цивилизаций, Россия геополитически объединяет пространство, находящееся между основными цивилизационными векторами развития мировой истории. А для того, чтобы пространство истории стало подлинно историческим, оно должно стать цивилизационным. **Россия, локальность ее цивилизации были порождены потребностями цивилизационно организовать и обустроить пространство, цивилизационно не принадлежащее ни Западу, ни Востоку или составляющее периферию Запада и Востока.**

Историческое пространство между ними принадлежит к иным геополитическим и цивилизационным реальностям и потокам истории, чем те, которые концентрируются вокруг Европы и цивилизаций Востока.

И эта цивилизационная инаковость исторического пространства российской Евразии стала исторической судьбой России. Россия стала цивилизационным ядром, вокруг которого концентрировались все цивилизационные потоки российской Евразии. Логикой самой истории она была превращена в интегрирующее и концентрирующее начало этих цивилизационных потоков, выразителя их цивилизационной сущности. Вполне возможно, эту миссию мог выполнить и кто-то другой. Она носит объективный характер

в геоисторическом пространстве Северной и отчасти Центральной Евразии. К слову сказать, так оно и было в истории.

Если довериться евразийской концепции, то, начиная со скифских времен, вся история Среднего субконтинента – Евразии – вообще предстает как последовательный ряд чередования двух сменяющих друг друга событий. Исторический процесс в этом геополитическом пространстве шел путем закономерной смены единой государственности во главе с государствообразующим этносом раздробленной системой этнически более или менее однородных государств, которая вновь и вновь объединялась силами нового этнокультурного начала евразийского мира¹.

1. Единая государственность – *скифы* → система государств (сарматы, восточные готы).

2. Единая государственность – *гунны* → система государств (авары, аланы, болгары, хазары, русь, печенеги, половцы).

3. Единая государственность – *монголы* → система государств первичной и вторичной ступеней распада Золотой Орды и вассально зависимых от нее государств.

4. Единая государственность – *русские* → система государств как следствие распада России – СССР.

Таким образом, евразийское пространство на протяжении последних двух с половиной тысяч лет то собиралось в единые империи с тенденциями образования единого суперэтноса, то вновь распадалось. После скифов и гуннов тюрки (VI–VIII вв.) и монголы (XIII–XIV вв.) стали наиболее реальными претендентами на цивилизационное, а значит, и геополитическое объединение Евразии. На эту миссию после монголов могли претендовать и другие этносы евразийского пространства – болгаро-татарский, литовский. Но история распорядилась иначе. Для того, чтобы справиться с задачами цивилизационного объединения Северной и частично Центральной Евразии, необходим особый культурный и духовный потенциал, адекватный миссии устойчивой интеграции этносов и культур, принадлежащих к разным цивилизационным традициям, но обреченных историей и географией на общую историческую судьбу.

¹ См. подробнее: Вернадский, Г. В. Начертание русской истории. – М., 2004. – С. 31–34.

Эту миссию выполнила Россия и в ней – русская нация, цивилизационно организовав историческое пространство между Западом и Востоком на принципах локальности русско-российского цивилизационного бытия. Именно эта цивилизационная миссия породила Россию и в ней – русскую нацию (в качестве русской), сформировала сам цивилизационный феномен Великой России. Борьба против этого феномена, попытка его преодолеть в истории значило бы бороться против самой истории, попытка преодолеть саму историю – занятие весьма сомнительное с точки зрения своего конечного исторического смысла. И его сомнительность уже дважды была подтверждена в истории России XX в. – Октябрем 1917 и Августом 1991 гг. Они оказались больше, чем трагической утопией, – разрушением и преступлением против основ исторической и национальной России. И как раз в той самой мере, в какой стали попыткой преодоления русско-российской сущности России-цивилизации и вслед за этим ее исторической миссии быть концентратором всех цивилизационных потоков истории, не принадлежащих ни Западу, ни Востоку, – феноменом, наиболее адекватно выражающим их евразийскую цивилизационную сущность и специфику. Это то, с чем вошла Россия в мировую историю, что ее делает Великой Россией и с чем она уйдет из истории в качестве России.

Таким образом, цивилизационная историческая реальность многослойна и имеет несколько уровней. И эту иерархичность бытия цивилизационной сущности истории, характер и направленность ее развертывания следует иметь в виду, когда речь заходит об осмыслении природы универсалистского проекта цивилизационного бытия всего человечества и в его рамках – основ цивилизационной идентичности России. Следует иметь в виду, какая сущность и как стоит за реальностью и сущностью локальной цивилизации в истории. Равным образом необходимо знать, какой бы она ни была и как бы ни стояла, она не может элиминировать ни реальности, ни сущности локальной цивилизации. Хотя бы потому, что все то, что их объединяет в некое более общее целое, к примеру, в цивилизационный универсум, не может существовать без того, что их разъединяет и специфицирует, благодаря чему сам цивилизационный универсум, или даже сверх того – общечеловеческая

(земная) цивилизация, начинают просто быть, существовать. А она начинает быть, существовать через существование всей системы локальных цивилизаций и национальных форм их воплощения.

Цивилизационная сущность истории стремится к бытию, а значит, к воплощению в формах конкретности бытия. И эти воплощенные формы конкретности бытия есть бытие конкретности локальных цивилизаций, а не самой цивилизационной сущности истории как таковой. Сущность существует только через формы своего существования и иначе, сама по себе, «в чистом виде», существовать не может. Всего этого – специфики бытия сущности и форм ее существования (в данном случае цивилизационной сущности истории и локально цивилизационных форм ее воплощения) – никак не учитывает универсалистский проект цивилизационного бытия человечества. Но он не считается и с другими, более очевидными реальностями истории, точнее, дает им излишне одностороннюю интерпретацию.

Так, утверждается, что будущее локальных цивилизаций предопределено. Под непреодолимым напором объективной логики истории, работающей на глобализацию и всечеловечность, на образование единой общечеловеческой цивилизации, все социокультурные и духовные спецификации всех локальных цивилизаций уже в скором будущем будут преодолены. Конечным итогом такого преодоления станет образование единого во всех своих базовых проявлениях человечества – общечеловеческой цивилизации. Считается, что на это направлены все интегративные процессы современности, прежде всего экономические. Все это так и вместе с тем не совсем, и главное – не до конца так.

В самом деле, реальность общих глобальных проблем, начиная от экологических и кончая истощением минеральных ресурсов, необходимость для их решения объединить усилия всего человечества, всех цивилизаций и культур еще не означает, что их решение или противодействие нарастанию их угрозы должно осуществляться за счет слома основ цивилизационной идентичности локальных цивилизаций. Здесь нет никакой связи между решением общих проблем, стоящих перед современным человечеством, и необходимостью преодоления локального многообразия его цивилизаций и культур. Есть связь между решением такого рода проблем и необ-

ходимостью глубокого и гармоничного сотрудничества, изменения самого типа межцивилизационных отношений. Но эту связь нельзя доводить до необходимости преодоления самого локально цивилизационного многообразия современного мира.

Решение общечеловеческих проблем требует общечеловеческих усилий, если хотите – объединенных усилий объединенного человечества, и тем больше и глубже объединенного, чем сложнее и масштабнее характер решаемых проблем. Это историческая аксиома. Но объединенного все-таки в первую очередь общими усилиями, новым типом отношений, но не идеей превращения цивилизационного многообразия мира в цивилизационное единообразие. Так решается другой круг проблем – не объединение цивилизационного многообразия мира, а преодоление его цивилизационного многообразия. Таким образом даже не решается сама глобалистская проблематика человечества, ибо для ее решения достаточно межцивилизационного сотрудничества. Проблема переводится просто в другую плоскость, решается другая проблема – поглощения одной локальной цивилизацией другой. Так актуализируется не проблема сотрудничества локальных цивилизаций, а проблема цивилизационной агрессии.

Не выдерживает критики и попытка представить большую взаимозависимость современного мира и связанные с ней тенденции к большей экономической и политической интеграции как тенденции к преодолению локальных различий между современными цивилизациями. Мир действительно становится более взаимозависимым, можно сказать, даже нуждающимся в большем единстве как абсолютно необходимом условии собственного выживания. Но, во-первых, какова природа этой глобальной взаимозависимости? Она может оказаться разного происхождения. Взаимозависимыми бывают и те, кто сотрудничают как партнеры, и те, кто связаны диалектикой раба и господина, отношениями хищника и его жертвы. И, во-вторых, от того, что мир становится более взаимозависимым, от этого он не становится менее многообразным. Опять-таки, взаимозависимость, большее единство мира – это одно, а многообразие цивилизаций и культур, которые слагают мир, – это совершенно другое. Нельзя проблему становления единого человечества решать за счет преодоления цивилизационного и культурного многообразия человечества.

Единое человечество – это не единственная цивилизация или единственная культура, общая и единая для всего человечества. Так проблема единства человечества не решается, так она в лучшем случае оглушается и вводится в пространство очередной социальной утопии, а значит, очередного тупика в историческом развитии. Собственно, сама проблема единства современного человечества – это проблема, актуальная только при условии его многообразия, ибо оно, как единство, актуально только в условиях многообразия, так как может быть только единством многообразного. Единства единообразного нет, здесь просто нет оснований для самого существования единства, ибо единством чего оно будет, если единообразное не нуждается в единстве? Проблема единства – это проблема многообразия бытия, в данном случае – цивилизационного и культурного. В конце концов, надо считаться просто с законом многообразия цивилизаций и культур как необходимого условия их существования, с тем, что человечество не может выразить и развивать себя посредством только одной-единственной цивилизации или одной-единственной культуры.

Есть еще один идейный источник, подпитывающий универсалистский проект цивилизационного бытия человечества. Он также имеет прогностический оттенок и связан с представлением об общей для всего человечества направленности исторического развития в сторону освоения единых свойств и качеств будущего постиндустриального, информационного, технотронного общества. Логика этой идеи достаточно прозрачна.

Если постиндустриальная стадия в историческом развитии человечества – реально достижимый, желанный и общий идеал для всего человечества, если по мере того, как этот идеал будет достигаться, а человечество входить в общую для себя стадию исторического развития, которая будет отмечена необходимостью освоения не только общих экономических, социальных, политических свойств и качеств, но и сопутствующих им общих культурных и духовных ценностей, то человечество неизбежно будет входить и в новую, единую для всего человечества цивилизацию – постиндустриальную. Действительно, если эта стадия исторического развития станет общей для всех локальных цивилизаций, достигших ее в своем историческом развитии, то это, безусловно, повлечет за со-

бой становление и общих свойств, сближающих все цивилизации. Но будет ли это сближение таким, которое в итоге приведет к становлению единой цивилизации? На этот счет есть большие сомнения. И вот почему.

В данном случае происходит неявное отождествление формационной исторической реальности с цивилизационной – формационных стадий исторического развития с цивилизационными типами развития в истории и, как следствие всего этого, полное игнорирование того, что каждая локальная цивилизация обладает своим, только ей присущим типом развития в истории. А потому, осваивая новые формационные качества общества, она осваивает их как локальная цивилизация, адаптируя их к особенностям своего цивилизационного типа развития, не предпринимая никаких усилий к тому, чтобы в этом процессе освоения преодолеть себя как локальную цивилизацию. В противном случае всякий новый акт формационного прогресса должен был становиться и актом возникновения новых цивилизаций либо слияния старых. Но это не так.

От того, что локальные цивилизации либо проходят, либо стремятся достичь одних и тех же стадий формационного развития, они не перестают быть локальными цивилизациями. В этом процессе они приобретают ряд общих формационных свойств и качеств, по большей части адаптируемых к особенностям локальности своей цивилизации, но не преодолевают основ своей локальности. В этом смысле весьма сомнительно, чтобы Россия, войдя в постиндустриальную стадию своего формационного развития, перестала бы быть Россией. Для этого должны быть какие-то более серьезные исторические основания, чем просто необходимость освоения в истории свойств и качеств очередной стадии формационного развития общества.

Это стоит подчеркнуть особо, так как в большинстве прогностических проектов цивилизационного объединения человечества присутствует одна и та же смысловая ошибка, истоком своим восходящая к своеобразному формационному высокомерию. Ее суть заключается в следующем: коль скоро именно западная цивилизация – европейская и североамериканская – наиболее продвинута в историческом освоении свойств и качеств постиндустриальной стадии формационного развития общества, то для их успешного

освоения нет другого пути, как только стать элементом западной цивилизации. Их цивилизационные стандарты в этом случае и принимаются за общечеловеческие.

Но цивилизационные стандарты никакой локальной цивилизации, даже самой продвинутой по стадиям формационного прогресса, никогда не смогут стать общечеловеческими. Для этого ни у одной из локальных цивилизаций никогда не хватит цивилизационно объединительного потенциала. Ни одна культура не в состоянии приписать себе статус всего человечества, идентифицировать себя с общечеловеческим, ибо ни одна культура не обладает ценностями и смыслами существования, приложимыми ко всему человечеству. Человечество, погруженное в одну культуру и цивилизацию, – это недопустимая идеализация, ибо человечество для своей реальности в качестве человечества предполагает сосуществование огромного разнообразия культур. Можно даже сказать, что суть человечества и заключается в этом сосуществовании.

Но это мало волнует тех, кто не замечает принципиальных различий между стадиями и типами исторического развития, между формационным прогрессом и цивилизационным развитием в истории, в результате чего мы сталкиваемся с до боли знакомой евроцентристской цивилизационной абберрацией, когда цивилизационные стандарты европейской цивилизации отождествляются с общечеловеческой, а формационный прогресс – со всемирной западнизацией. Но все не могут быть Европой или Америкой. Общечеловеческая цивилизация не может стать одной-единственной – европейской или американской. Это было бы большим упрощением не только в понимании будущего человеческой истории, но и цивилизационных основ самой истории.

И последняя, пожалуй, самая радикальная прогностическая позиция, с которой пытаются связать реальность универсалистского проекта цивилизационного бытия человечества. Утверждается нечто совершенно радикальнейшее: новые формы исторического творчества – и формационного, и цивилизационного – якобы станут результатом действия принципиально нового цивилизационного субъекта. Он претерпит упрощения принципиального масштаба – перестанет быть и национальным, и классовым, и государственным. Социальная структура общества упростится до неузнавае-

мости и, по существу, будет сведена к одному-единственному элементу – абсолютно автономной, социально раскрепощенной, культурно и духовно развитой личности. Ее всесторонняя развитость будет основой ее всесторонней независимости от тех форм социальности, которые входят в пространство личностного бытия как раз по мере того, как личность становится элементом, составной частью той или иной социальной общности, начиная с семейной и кончая национальной общностью.

Но коль скоро последние редуцируются вплоть до исчезновения, то исчезнут и все формы социальной зависимости личности, подчиняющие ее бытие бытию той или иной социальной общности, делающие ее бытие составной частью их бытия и в этом смысле принципиально несвободным бытием. И все это произойдет лишь постольку, поскольку личность якобы главнее всего в истории – классов, наций, государств, цивилизаций. Так и хочется продолжить – самой истории. В итоге получается, что по мере социального освобождения человека, преодоления всех форм отчужденного бытия истории, отчуждающих человека от подлинности его собственной сущности и форм ее существования, будет возрастать и степень свободы личности, вместе с которой перегородки между цивилизациями будут истончаться и исчезать. Но так ли это? Но прежде, что это такое?

Гремучая смесь из либеральной и коммунистической утопии, которые в данном случае неожиданно объединяются. В самом деле, если коммунизм явным образом «комплексовал» по поводу классов, подчеркивая исключительность одного, пролетариата, и его исторической миссии по преодолению всех классов и всяких, не только классовых, но и социальных различий, то либерализм «комплексует» прежде всего по поводу абсолютно автономной личности и в этой связи находит новую мессию в мировой истории – абсолютно свободную личность, призванную на новой идейной и субъектной основе решить ту же самую коммунистическую задачу – избавить общество от всех социальных общностей и связанных с ними социальных различий, достичь не только социально-классовой, но и национальной и на этой основе – цивилизационной однородности. Как видим, конечная историческая цель одна и та же, разными оказываются субъекты и идейное обоснование средств и пу-

тей движения к такому цивилизационно однородному обществу. Но от этого оно не становится менее утопичным.

Прежде всего, почему личность главнее всего и всех в истории – классов, наций, государств, локальных цивилизаций? Пора расстаться с изжившей себя практикой ранжирования исторических субъектов по степени их значимости для истории. Каждый из них занимает свое, другими субъектами истории незаменимое место и тем самым участвует в историческом творчестве. Что касается личности, то, строго говоря, она участвует в историческом творчестве не сама по себе, а только будучи в составе той или иной социальной общности, начиная с семейной, профессиональной, политической и кончая национальной и цивилизационной общностями. Сама по себе личность значит многое, но для истории она начинает значить несравненно больше, как только становится частью более общего исторического субъекта, прежде всего классового и национального. Она вообще не может быть главнее всех в социуме, ибо все, что делает ее личностью, включая сюда и ее социальные роли, она получает из социума и непосредственно из тех форм общности, в которые она включается и в составе которых она творит историю.

Вот почему подобно тому, как личность не может существовать сама по себе вне форм своих социальных общностей, так она не может и творить историю сама по себе вне форм этих социальных общностей. Личность входит в историю не сама по себе, а как составная и неотъемлемая часть социума. *В конце концов, личность объективирует в своей жизни и истории не только саму себя, свою неповторимость, но и свою идентичность. А там, где она объективирует свою идентичность, она объективирует свою социальность, все то, что связывает ее с социумом.* В этой связи она предстает во всем богатстве своей социальной и исторической природы и опосредованности, как личность-семья; личность-профессиональная группа; личность-класс; личность-нация; личность-культура; личность-государство; личность-цивилизация. Она выражает в себе и через себя все это, и оно становится основой ее базовых форм идентичности в обществе и в истории, вне которых она есть ничто. *Ибо личность в ряду других определений ее сущности есть еще и то, с чем и как она себя идентифицирует.*

Кроме того, представлять себе социальную структуру будущего общества состоящей только из абсолютно автономных и свободных личностей – это слишком смелое представление, граничащее с крайне инфантильным взглядом на историю. Очевидно, что в будущем социуме следует ожидать упрощения социальной структуры, но не до такой же степени, не до степени преодоления вообще всех социальных общностей, самой социальной структуры общества и субъектной базы истории как таковой. Она же не может созидаться абсолютно автономными, свободными, ничем и никак, в том числе и между собой, не связанными личностями. В этой связи следует иметь в виду и другое. Вытеснение из субъектной базы истории всего и всех, кроме личности, предполагает отказ от всего и всех, что и кто связывает эту личность с дискретными и конкретными структурами истории, а в итоге – и от всех форм ее идентичности в истории, в том числе и таких базовых, как конкретная духовность, культура, язык, религия...

Все это подлежит преодолению в личности и, следовательно, в самой истории и только ради того, чтобы восторжествовала абсолютно автономная и свободная личность, но, похоже, свободная и от истории, ибо преодоление всего этого в личности предполагает преодоление в ней и самой истории. С такой личностью, разумеется, можно преодолевать любые перегородки между любыми цивилизациями, так как ее действительно ничто и ни с чем не связывает. С ней вообще можно делать все что угодно, ибо это – феномен-фантом вне конкретной истории, культуры, духовности, вне какого бы то ни было контекста вообще, любых форм социальности и идентичности. Но чрезвычайно удобный концепт для исторического препарирования любой проблемы с произвольных позиций и с тенденциозными целями и задачами, но всякий раз весьма далекими от реальной истории и выстраданных ею истин, ценностей и смыслов.

Таким образом, во-первых, не стоит преувеличивать степени свободы и автономности личности в будущем обществе. По крайней мере, она никогда не сможет быть свободной от самой себя и того общества, в котором и посредством которого она становится свободной, ибо свобода – это не только экзистенциал души, но еще и продукт общественных отношений. Во-вторых, нет никаких осно-

ваний свободу вообще, а свободную и автономную личность тем более, превращать в универсальное средство для решения любых проблем истории. *Это одна из иллюзий человечества (в данном случае – современного либерализма) – полагать, что можно решать любые, в том числе и в принципе нерешаемые, проблемы истории посредством абсолютизированных форм исторического творчества, злоупотреблять свободой исторического творчества настолько, чтобы саму свободу превращать в средство осуществления любых утопий.*

Обо всем этом стоило сказать особо, так как мы живем не где-нибудь, а все-таки в России, в стране, которая, как никакая другая, за XX столетие пострадала от абсолютизированных форм исторического творчества, в частности от попыток осуществить утопии. Как ни в какой другой, склонной к реализации утопии универсалистских проектов цивилизационного бытия человечества, связанных со сломом основ собственной национальной и цивилизационной идентичности. Впрочем, справедливости ради стоит признать, что это склонность не всей России, а только ее вненациональной и внеисторической части, которая не только свою неидентичность национальной и исторической России считает главным своим достоинством, но и пытается именно ее навязать всей остальной России. И как навязать – не считаясь ни с чем, ни с какими реальностями и антропологическими последствиями. Ради большой идеи вхождения в иную цивилизацию, будь то в коммунистическую, европейскую или американскую, вненациональная Россия готова на любые преступления против собственной нации.

И это несмотря на то, что весь исторический опыт свидетельствует: все исторические проекты, претендовавшие на цивилизационное объединение человечества, неважно какое и на какой основе, будь то на основе объединения всей ойкумены империями Александра Македонского или Pax Romana либо идей всеобщей фашизации, или всеобщей коммунизации человечества, терпели крах. Хотя, и это стоит подчеркнуть особо, идея всемирности всемирной истории – это не случайная идея человечества. Сближение локальных цивилизаций было, есть и будет неотъемлемой частью реальных процессов исторического развития человечества, самой объек-

тивной логикой принуждающегося к тому, чтобы стать человечеством – *органичным союзом цивилизаций и культур*.

Но, во-первых, это сближение, а не процесс поглощения одной локальной цивилизацией другой, не агрессия одной культуры против другой. Во-вторых, это опять-таки сближение, а не некий синтез цивилизаций и культур с последующим образованием некой общей для всего человечества цивилизации и культуры. Такой вектор в цивилизационных и культурных синтезах не просматривается, просматривается другое – интенсификация процессов взаимодействия и взаимовлияния культур и цивилизаций. В-третьих, сближение идет по принципу близкодействия и близкородственности – в первую очередь сближаются друг с другом национальные формы существования локальных цивилизаций, как, к примеру, в Европе в рамках локальности европейской цивилизации. Уже значительно сложнее идут процессы сближения локальных цивилизаций, принадлежащих к одному и тому же цивилизационному универсуму.

Похоже, будущее цивилизационной исторической реальности – это союз локальных цивилизаций и культур, пространство интенсификации всех процессов их взаимодействия, взаимовлияния и взаимообогащения, а не пространство взаимопоглощения с образованием некой универсальной цивилизации, основанной на некоем едином генетическом коде истории, единых цивилизационных основаниях, общих для всех, но именно поэтому не способных существовать нигде. Вновь подчеркнем: общее не может существовать само по себе в чистом виде, оно может существовать только в отдельном и через отдельное. В этом смысле реальность общего – это реальность отдельного, его бытия в отдельном, с одной стороны, подчиняющегося логике бытия отдельного, а с другой – именно в качестве общего – глубинной сущности отдельного, подчиняющего отдельное логике раскрытия бытия этой общей сущности.

Здесь мы сталкиваемся с главной проблемой всех универсалистских проектов цивилизационного объединения человечества, которая для них, скорее всего, окажется непреодолимой. Как реализовать в истории то, что должно стать общим для всех, если оно в этом процессе осваивается не как общее вообще, а как общее своего отдельного, а потому специфицируемого всей тотальностью его

конкретности? В конце концов, у этой проблемы есть еще один аспект, который выходит на проблему бытия и небытия в истории, на проблему быть или не быть в истории, иметь или не иметь саму историю.

Всякое объединение есть преодоление того, что мешает объединению, в данном случае – генетического кода истории локальной цивилизации. Но, преодолевая его, преодолеваются самые интимные и одновременно с этим самые фундаментальные духовные основы истории в душе каждого человека. Ведь именно они превращают его из человека вообще в человека определенной локальной цивилизации с только ей присущими архетипами социальности, культуры, духовности и способом их проживания в истории и самой истории. Преодолевается все, что имеет вес, меру, ценность, цели и смысл, сама вера в то, что все это не только есть, но и есть единственно возможные ценности, цели и смыслы бытия – преодолевается вера в неприкосновенную святость основ национального бытия в истории.

Нация, если она еще остается нацией, до последнего будет сопротивляться процессам слома основ своего бытия в истории, базовых структур своей идентичности, процессам превращения себя из нации в этнографический материал истории. И это объективная реальность истории, то, во что начнет упираться любой универсалистский проект цивилизационного объединения человечества. Для его осуществления понадобится преодолеть всю субъектную базу цивилизационной исторической реальности – этнокультурное многообразие мира, а вслед за этим и саму цивилизационную историческую реальность, так как она существует до тех пор, пока будут существовать субъекты, порождающие и поддерживающие ее существование – этнокультурные общности людей, нации.

Тем самым, как это ни странно, но всякая попытка цивилизационно объединить человечество, преодолеть локально цивилизационное многообразие его бытия в истории есть не что иное, как попытка преодолеть цивилизационную историческую реальность как таковую. Это попытка втолкнуть человечество вообще во внецивилизационное бытие, ибо бытием какого цивилизационного субъекта оно будет, коль скоро не будет самого субъекта цивилизационного бытия – нации и национального многообразия мира? *Нации*

есть там, где есть цивилизационная историческая реальность и она, как цивилизационная, есть только там, где есть нации. Одно неотделимо от другого. Там же, где оно отделимо, история перестает быть цивилизационной – историей локальных цивилизаций и культур, реальностью самой цивилизационной исторической реальности.

На все это стоит обратить особое внимание перед фактом множатся попыток именно с универсалистским проектом национального бытия человечества вновь связать поиск основ цивилизационной идентичности России. И в этой связи значение будет иметь то, что это вновь станет вненациональным проектом поиска основ цивилизационной идентичности России, вновь центрированным на замену национальных, русско-российских основ цивилизационного бытия в истории на вненациональные. Значение будет иметь то, что такой проект вновь станет попыткой отстранения от активного и осознанного исторического творчества главного субъекта российской истории – русской и союзных ей наций. Значение будет иметь только то, что русская нация вновь не будет иметь никакого значения как нация даже в пределах своей собственной национальной истории. Все это станет очередным источником хаотизации основ исторического и национального самосознания России и в ней – русской нации, средством слома основ ее цивилизационной идентичности, познавательной прелюдией к новым цивилизационным потрясениям в практике исторического творчества на евразийских просторах уже не Советского Союза, а только России.